

На Врата Вечного Покоя поднялись и принцы. Оказавшись на вершине надвратной башни, они вместе со всеми устремили взоры вдаль.

Цзи Юань недоумевал: почему Цзи Яо до сих пор не явился? И почему император Ци спокоен, словно так и должно быть, и не собирается гневаться? Неужели?..

Перед взорами чужеземных послов раскинулась широкая площадь перед городскими воротами. Посреди неё высился одинокий флагшток. Столь странная деталь никак не вязалась с древними традициями военных смотров, но чего именно ждать, никто из гостей не знал.

Император Ци едва заметно кивнул, давая знак генералу Чжан Цзяну.

Тот, хоть и повидал на своём веку немало великих сражений и торжеств, сейчас волновался до дрожи. Справившись с дыханием, великий воевода глубоко вздохнул и зычно провозгласил:

— Военный смотр объявляется открытым! Поднять знамёна с эмблемами! Играть государственную музыку!

С лица владыки не сходило бесстрастное, величественное выражение, однако в душе его бушевало недоумение. Откуда это взялось? Он до мельчайших подробностей помнил утверждённый порядок смотра — ничего подобного там не значилось! Значит, Цзи Яо переписал сценарий посреди ночи. О планах юноши не ведал даже управляющий Фушоу, а потому и до императорских ушей весть не дошла.

Сердце государя тревожно сжалось. Яньсин становится всё более своенравным. Неужели он настолько уверен в успехе?

Тем временем внизу, перед воротами Юнлэ, показался первый отряд. Солдаты, чеканя шаг, бережно несли за четыре угла огромное полотнище. Размеренный, глухой рокот их сапог разносился далеко вокруг.

— Это же знамя с эмблемой нашего Великого Ци! — вполголоса выдохнул кто-то из придворных.

Больше никто не проронил ни слова: сановники замерли, теряясь в догадках. На смотровой площадке Врат Вечного Покоя яблоку негде было упасть. Чужеземные посланники с неподдельным любопытством подались вперёд.

— Поразительно... — тихо заговорили между собой двое чужестранцев на своём наречии. — Сколько же сил ушло на тренировки, раз они шагают столь ровно, словно один человек?

— Похоже, они идут к тому флагштоку.

— Посмотрим. Скоро узнаем.

И действительно, воины остановились ровно перед мачтой.

В тот же миг из боковых ворот навстречу друг другу хлынули ещё два отряда — не меньше сотни человек. На них не было привычных доспехов. Мужчины и женщины предстали в одинаковых серых одеяниях с широкими рукавами, расшитых золотыми узорами. Их волосы венчали строгие высокие закладки, а лица лучились одухотворённостью и силой. Но откуда на военном смотре женщины? Да ещё и с музыкальными инструментами... Неужели это придворные музыканты?

Теперь даже император окончательно перестал понимать, что происходит. Действо полностью вышло за рамки заранее утверждённого протокола.

Музыканты опустились на колени, образовав широкий круг, посреди которого установили огромный боевой барабан. Один из них поднялся, давая знак к началу.

Собрание затаило дыхание.

Каким-то невероятным образом звуки, рождавшиеся на площади, разносились далеко во все стороны, отражаясь от крепостных стен. Дробный, едва слышный перестук становился всё чаще, плотнее и громче, превращаясь в грозный гул.

— Глядите! Солдат крепит знамя с эмблемой к канату!

И огромное знамя с эмблемой медленно устремилось ввысь.

Внезапно из тени ворот ярким алым сполохом вылетел человек и устремился в самый центр музыкального круга.

— Кто это?

— Маска... Неужели Ланьлин-ван?!

— Это же «Песнь о вступлении в бой»!

Придворные, особенно закалённые в боях военачальники, мгновенно оживились. По рядам пробежал шёпот восторга, который воины едва сдерживали из почтения к государю. Чужеземные же послы лишь недоуменно переглядывались.

В подлунном мире каждый знал: Ланьлин-ван был легендарным богом войны древности. В

государстве Ци эту песнь традиционно исполняли в честь славных побед. В ней не было слов — лишь суровые, берущие за душу созвучия, однако её мотив знал наизусть любой простолюдин.

Лицо танцора скрывала маска, а в руках он держал барабанные палочки, но даже так в каждом его жесте сквозила благородная грация. То был истинный прекрасный юноша, изящный и статный, взирающий на небеса с гордым вызовом, подобно яшмовому дереву на ветру.

Облечённый в багрянец юноша резко развернулся. В его стати ожил грозный дух бога войны. Под нарастающий бой барабанов он начал свой танец.

Минувшей ночью

— Ваше Высочество, зачем вы призвали меня в столь поздний час? — спросил Хун Цю.

— Приходилось ли тебе слышать «Песнь о вступлении в бой»?

— Разумеется. Это прославленная военная песнь, её мотив ведом каждому в нашей стране.

— А значит, придворные музыканты без труда её сыграют, — Цзи Яо не скрывал торжества.

Ему сказочно повезло. Сами небеса благоволили ему! Стоило возблагодарить судьбу за то, что легенда о Ланьлин-ване родилась задолго до основания Великого Ци.

— Вы хотите использовать «Песнь о вступлении в бой» для...

— Именно это я и задумал, — подтвердил Цзи Яо.

Дэбао действовал стремительно: вскоре во дворе усадьбы уже стояли около сотни музыкантов. Цзи Яо опасался, что без императорского указа возникнут трудности, но всё прошло на удивление гладко, почти нереально.

Увидев хозяина поместья, гости склонились в глубоком поклоне:

— Приветствуем Седьмое Высочество.

Цзи Яо велел им подняться и внимательно оглядел собравшихся.

В Музыкальном ведомстве государства Ци служили не только женщины — мужчин там было

даже больше, и все как один отличались приятной наружностью. Возглавлявшая их Великая наставница музыки Юэхуа оказалась девицей редкой, утончённой красоты, державшейся со строгим изяществом.

— Если у Седьмого Высочества есть поручение, только прикажите, — звучным голосом произнесла она. — Я и мои соратники сделаем всё возможное.

— Юэхуа, сумеете ли вы исполнить «Песнь о вступлении в бой»?

Девушка на миг задумалась, а затем ответила:

— Мы не прикасались к ней уже несколько лет, но партитуру помним крепко. В своё время мы не одну ночь провели за репетициями этой мелодии, так что она врезалась в память навсегда.

— Прекрасно.

Однако если сотня музыкантов начнёт играть на инструментах, грохот разнесётся по всей округе, особенно посреди ночи. Скрыть это будет невозможно.

— Нам нужно уединённое место для репетиций, — задумчиво произнес Цзи Яо.

Дэбао осенило:

— Ваше Высочество, под нашей усадьбой скрыта просторная подземная зала. Стены там толстые, ни единый звук не проникнет наружу.

Юэхуа удивленно покосилась на слугу.

Это было как нельзя более кстати — настоящее спасение!

— Веди, — обрадовался Цзи Яо.

Подземелье оказалось огромным, превосходя размерами даже парадный двор поместья. Построенная ещё в эпоху прежней династии, эта зала некогда служила сокровищницей, но сейчас лучшего места для тайной репетиции было не сыскать.

Цзи Яо подробно изложил свой замысел. Юэхуа схватывала всё на лету: она понятно закивала и тут же разъяснила неясные моменты остальным музыкантам.

— Сыграйте один раз, я хочу послушать, — попросил Цзи Яо.

Он закрыл глаза, вслушиваясь в первые несмелые аккорды струнных и глухие удары малых барабанов. Услышанное потрясло его до глубины души.

Именно под «Песнь о вступлении в бой» он исполнял свой танец на творческом конкурсе при поступлении в Центральную академию драмы. Год назад он репетировал его до изнеможения, забыв о сне. Древняя мелодия во многом походила на ту, что раскопали археологи в его родном времени, однако живое исполнение на аутентичных инструментах звучало куда более яростно, величественно и мощно, заставляя кровь быстрее бежать по венам.

— Ваше Высочество, мы закончили, — Юэхуа опустила руки.

Кое-где закрались мелкие поправки — сказывались годы молчания, но эти шероховатости можно было исправить за пару минут.

Цзи Яо открыл глаза. Пока лилась музыка, он мысленно повторял движения, решая, какие элементы стоит изменить, чтобы приспособить танец к здешним условиям.

Он вовсе не стремился заучить этот танец намертво, но на вступительных экзаменах в Чжунъян за исполнение народных или пластических танцев давали высокие баллы. Ради заветного поступления он изнурял себя тренировками до тошноты. Тяжёлый реквизит, непослушное тело, которое он упорным трудом заставил двигаться с безупречной точностью... В итоге он обошёл всех конкурентов, став лучшим среди сотен претендентов на потоке.

Кто бы мог подумать, что именно этот навык окажется его главным оружием в чужой эпохе?

— Сопровождается ли эта песнь танцем? — спросил Цзи Яо.

— Нет, — покачала головой Юэхуа. — Солдаты в лагерях беснуются под неё как придётся, но единого порядка движений нет.

— Есть ли в усадьбе большой боевой барабан?

— Ни единого. Но у малого генерала Фу наверняка найдётся.

— Пошлите человека. Скажите, что барабан нужен мне немедленно. — С Фу Яном он церемониться не собирался.

— Хун Цю, отправляйся к генералам Чжану и Пану. Передай им то, о чём мы говорили: пусть воины подготовят всё к завтрашнему военному смотру. Нужно внести изменения в сценарий, и пусть каждый солдат запомнит свою задачу назубок.

Цзи Яо понимал: чем больше людей вовлечено в процесс, тем легче допустить ошибку, но

сейчас на кону стояло слишком много.

Хун Цю уже полностью уяснил план действий. То, что Седьмой принц доверил столь деликатное поручение именно ему, говорило о многом. Это было высшим признанием его ума, верности и надёжности. Справившись с волнением, Хун Цю глубоко поклонился:

— Ваш слуга исполнит приказ.

Цзи Яо облегчённо выдохнул. Теперь оставалось полагаться лишь на общие усилия.

— Скрывать больше не стану: судьба нашего дела решится этой ночью. Либо мы победим, либо сгинем. Завтра эта песнь прозвучит как священный гимн на великом смотре.

Среди музыкантов пронёсся взволнованный шёпот. Цзи Яо коротко и ясно объяснил суть задумки.

— Государственная музыка? Значит, его услышат все от мала до велика?

— Да, услышат. И должны запомнить его до единой ноты. Завтра вы откроете это торжество. Величие и дух нашей державы будут зависеть от вас. Прошу, приложите все силы.

Он соединил ладони и склонился в вежливом поклоне:

— Я, Цзи Яо, выражаю вам свою глубокую благодарность.

Музыканты испуганно замахали руками, наперебой твердя, что Седьмому Высочеству не пристало кланяться безродным слугам. Сердце Юэхуа тоже пропустило удар. Сделав шаг вперёд, она твёрдо произнесла:

— Будьте спокойны, Ваше Высочество. Мы не подведём.

"Высокородный принц, а держится так просто и уважительно с простыми людьми... — подумала она. — Седьмой принц действительно совсем не такой, как о нём болтают в столице".

Цзи Яо открыто улыбнулся. Сбросив верхнее просторное одеяние, он сделал несколько разминочных движений, разгоняя кровь по мышцам.

— В таком случае не будем терять времени. Расположитесь вдоль стен, начнём заново.

Нужно было спешить. Перед рассветом предстояло ещё незаметно осмотреть площадь у Врат Вечного Покоя, так что каждая минута была на вес золота.

В центре залы остался один Цзи Яо. Стоило раздаться первому удару барабана, как он плавно двинулся вперед.

Седьмой принц умеет танцевать? Эта мысль настолько поразила музыкантов, что несколько струн звякнули невольно. Юэхуа строго зыркнула на провинившихся, и стройный мотив тут же восстановился.

Никогда прежде они не видели ничего подобного. Временами его движения казались плавными, словно полёт испуганного лебедя, временами — стремительными, будто бросок дракона. В каждом взмахе рук сквозила истинно мужская сила. Казалось, перед ними стоял сам бог войны Ланьлин-ван, сошедший с древних свитков.

Вскоре доставили огромный боевой барабан.

— Ты принёс его сам? — удивился Цзи Яо, увидев гостя.

— А как иначе? Посреди ночи вламываешься в мой дом и требуешь реквизит. Пришлось проверить, что за чертовщину ты затеял. Не переживай, я зашёл через чёрный ход, никто не видел.

Цзи Яо лишь усмехнулся в ответ. Он подошёл к инструменту, закрепил его и сделал пробный удар. Глухой, мощный гул раскатился по подземелью, заставив содрогнуться стены. Превосходно.

— Прошу простить за шум, — обратился Цзи Яо к музыкантам. — Юэхуа, теперь твоя очередь вести главную тему на пипе. Остальные вступайте следом, когда почувствуете нужный момент.

Он заметил, что наставница держит в руках именно пипу. Звонкая лютня и громоподобный барабан подходили друг другу идеально. Любые импровизации требовали притирки, но времени на долгие репетиции не было.

Кое-кто из музыкантов заколебался:

— Но Ваше Высочество, менять всё прямо сейчас? Мы ведь никогда не пробовали импровизировать без партитуры. Вдруг сфальшивим?

Однако Юэхуа решительно пресекла сомнения:

— Если мы зовёмся придворными музыкантами, то обязаны чувствовать ритм кожей. Тот, кто обделён этим даром, недостоин своего звания. Если кто-то сомневается в своих силах — можете уходить прямо сейчас.

Слова наставницы хлестнули по самолюбию: расписаться в собственной профнепригодности не хотел никто. Девушки-музыканты упрямо сжали губы. Разве могли они отступить? Они и помыслить не смели, что когда-нибудь их искусство зазвучит не на пьяном пиру ради потехи знатных господ, а на великом смотре пред взором самого императора и послов великих держав. О такой славе любой музыкант не смел и мечтать до конца своих дней!

— Мы справимся, госпожа Юэхуа! — в один голос ответили они.

— Тогда начнём, — Цзи Яо крепко перехватил барабанные палочки и взмахнул рукой.

Фу Ян стоял поодаль, насупившись и погружившись в раздумья. Цзи Яо... этот парень казался совсем другим человеком. Куда делся прежний капризный принц?

Зарокотали барабаны, им вторил резкий, воинственный перебор пипы. Тяжёлые удары накладывались на звонкие струнные аккорды, рождая неистовую бурю. Временами к ним примешивался свист флейт, но он не нарушал гармонии, лишь добавляя мелодии яростного, отчаянного величия. Алые одежды Цзи Яо взмывали в воздух вслед за каждым его шагом. Казалось, музыка текла прямо по его венам, и каждое движение ложилось в такт с абсолютной, пугающей точностью.

Наконец раздался последний, затихающий удар.

— Получилось! — выдохнул кто-то. Мелодия вышла невероятной.

Цзи Яо смахнул пот со лба. Тяжёлый камень, давивший на грудь, наконец немного отпустил его.

— Куем железо, пока горячо. Закрепим успех.

— Ваше Высочество, вы сдюжите? — осторожно спросила Юэхуа. Этот танец требовал недюжинной выносливости, а принцу, похоже, предстояло двигаться так до самого рассвета.

Цзи Яо лишь кивнул. Возможности человека безграничны, когда от них зависит всё. Он не имел права оступиться. Он дал обещание Цзи Яньсину, но в первую очередь — самому себе.

Глухие раскаты музыки доносились из подземелий усадьбы всю ночь, но для внешнего мира поместье Седьмого принца оставалось погружённым в сон. Лишь перед самым рассветом они тайно выбрались к Вратам Вечного Покоя, чтобы примериться к площади и завершить подготовку.

Без сна и отдыха, измотанные до предела, музыканты не выказывали ни капли усталости. Стоило взойти солнцу, как их сегодняшнее творение окажется запечатлено на страницах вечных летописей. Усталость отступила перед лихорадочным предвкушением великого мига.

На площади перед воротами нельзя было шуметь, поэтому Цзи Яо обратился к ним вполголоса:

— Сегодня все вы — воины. Мы выстояли эту тяжёлую ночь, чтобы на рассвете дать наш главный бой.

— Мы не подведём Седьмого принца! — тихо, но твёрдо отозвался хор голосов.

Все разошлись по своим местам. На огромной площади остались лишь трое: Цзи Яо, Фу Ян и Дэбао.

Вскоре вернулся Хун Цю:

— Ваше Высочество, всё готово.

Цзи Яо удовлетворенно кивнул. Хун Цю действительно превзошел сам себя. Тело нещадно ломило от усталости. По-хорошему, ему следовало бы появиться лишь к самому началу военного смотра, но времени на отдых уже не оставалось — нужно было готовиться к выступлению.

Стоило ему сделать шаг, как из-за спины раздался негромкий голос Фу Яна:

— Ты не Цзи Яо.

Это был не вопрос, а твердое, холодное утверждение.

Когда Цзи Яо решался на этот танец, он понимал, что не сумеет утаить правду от генеральского сына и верного Дэбао. Уж они-то знали характер Седьмого принца как никто другой и прекрасно ведали, что тот никогда в жизни не умел так двигаться.

Юноша обернулся с легкой улыбкой:

— Я — Цзи Яо.

— Нет, ты не он, — отрезал Фу Ян, буравя его тяжелым взглядом. — Кто ты такой на самом деле?

— Скажу правду — всё равно ведь не поверишь. Я действительно Цзи Яо. — Он сделал паузу, глядя прямо в глаза собеседнику, но зная, что Хун Цю и Дэбао тоже внимательно ловят каждое слово. — Но я не тот Цзи Яо, которого ты знал всю жизнь. Это прозвучит безумно, но твой друг сейчас находится на тысячу лет в будущем. В моем родном мире. И, по странному совпадению, там у меня тоже есть близкий друг. Его зовут Фу Ян, и он выглядит точь-в-точь как ты.

— Что за чушь ты несешь? — Фу Ян нахмурился, однако в его голосе проскользнуло замешательство. Этот странный парень вот так запросто сознался, что он из другого мира?

— Если память мне не изменяет, у тебя на плече должно быть родимое пятно в форме цветка, — добавил Цзи Яо.

В его словах была доля авантюризма, он шёл на риск. Однако, взглянув на мгновенно изменившееся лицо Фу Яна, Цзи Яо понял, что попал в яблочко.

— Всё это случилось не по моей воле, — уже мягче произнес он. — Но знай главное: твой друг в полной безопасности, и он невредим. И я ни в коем случае не причиню вреда ни ему, ни государству Ци.

Фу Ян невольно поверил. В конце концов, если бы этот самозванец замышлял недоброе, он не стал бы всю ночь напролет изнурять себя репетициями, рискуя в любую секунду лишиться головы ради чужого спасения.

Генеральский сын обернулся к Дэбао и Хун Цю — те стояли со спокойными лицами, будто всё знали заранее.

Дэбао лишь почтительно склонил голову и негромко произнёс:

— Мой господин.

Ещё тогда, когда Цзи Яо предложил стать его наставником, слуга без колебаний признал его авторитет. И теперь этот чужак стал для него столь же дорог, как и прежний господин Цзи Яньсин.

Хун Цю соединил руки в уважительном жесте:

— Я никогда не забуду благосклонность и доверие Седьмого Высочества.

Не явись в его жизни Цзи Яо, он так и остался бы человеком с изломанным прошлым, лишенным настоящего и будущего.

Понимая, что верные соратники присягают ему на верность, Цзи Яо ощутил, как к сердцу подкатила теплая волна. Он повернулся к Фу Яну:

— Твой друг обязательно вернётся.

Ему действительно пора было переодеваться. Хун Цю и Дэбао безмолвными тенями двинулись

следом за ним.

— И ты не боишься, что я выдам твою тайну? — донеслось им в спину.

Цзи Яо на мгновение замер:

— Захотел бы выдать — не стал бы ждать рассвета. — Он обернулся через плечо, и на его губах заиграла тёплая, чуть лукавая улыбка. — Признай, Фу Ян, в каком бы времени мы ни встретились, ты всегда остаёшься несносным упрямцем с золотым сердцем.

И, больше не задерживаясь, поспешил прочь.

Фу Ян лишь зло стиснул зубы. Вот же паршивец! Держится так, словно видит его насквозь!

У Врат Вечного Покоя юноша в маске и алых одеждах неистово бил в барабан и кружился в яростном, священном танце, приковывая к себе взгляды сотен людей. То был момент неопишуемого, дикого величия.

При тусклом свете факелов я любовался сталью,

Ревели трубы грозно над притихшим станом.

Мы пировали под знамёнами, деля добычу,

И лютни пели нам о битвах за чужие дали...

<http://bllate.org/book/20677/2178878>